

УДК 327.54

Анатолий ГРОМЫКО

ИСТОКИ И ВЛИЯНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ НА МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ

Аннотация. Автор анализирует период в мировой истории, получивший название “холодная война”. Он задаётся вопросом, закончилась ли она? Этого по сути не произошло. Более того, в мире, в том числе в Европе, усилилась международная напряжённость, возникли новые конфликты. Противостояние Запада с Россией обрело новые реальные очертания. Свидетельство тому – возрождение правого экстремизма, рост терроризма, гражданских войн и этнических конфликтов. Автор взял на себя задачу оценить последствия холодной войны, показать её истоки, что её породило, какие политические лидеры подстегнули рост международной напряжённости. Исследование опирается на постулат о том, что историю нельзя переписать, и что она безальтернативна. Однако изучать её надо самым внимательным образом с тем, чтобы извлечь полезные уроки и не повторять ошибок прошлого.

Ключевые слова: холодная война, дипломатия, международные отношения, мировая политика, политические лидеры, терроризм, этнические конфликты, уроки истории.

Призрак войны возникает сегодня как новая холодная война или “война информационная”, мелькает и как “война культурная”. Острие этих оценок нацелено на Россию.

Ещё недавно мало кто верил, что в мировой политике холодная война может вновь возродиться. Все считали, что она закончилась в начале 1990-х гг., и на мировой арене возникли возможности для мирного сотрудничества. Этого по большому счёту не произошло. В мире, в том числе в Европе, усилилась международная напряжённость, возникли многочисленные силовые конфликты. Призрак холодной войны неожиданно приобрёл реальные очертания. Это способствовало возрождению правого экстремизма, росту терроризма, гражданских войн и этнических конфликтов. Возникла необходимость оценить и последствия холодной войны в XX веке. Что её породило, какие политические лидеры подстегнули рост международной напряжённости?

Историю нельзя переделать, случившись – она безальтернативна. Изучать её, однако, надо самым внимательным образом с тем, чтобы извлечь полезные уроки и не повторять ошибки прошлого.

© *Громыко Анатолий Андреевич* – член-корреспондент РАН, д.и.н., профессор факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. **Адрес:** 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1. **E-mail:** alexey@gromyko.ru.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-01-00363.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120162638>

Холодная война вошла в ткань международных отношений не одновременно, а постепенно. Этот термин часто употребляется с середины 1940-х гг. и, что удивительно, после создания Организации Объединенных Наций. Многие считают, что холодная война была как бы объявлена 5 марта 1946 г. в Фултоне (США) Уинстоном Черчиллем с одобрения Президента США Гарри Трумэна. Ее основы, однако, были, на мой взгляд, заложены гораздо раньше, по существу после установления в 1917 г. в России большевистского строя. Основной причиной неприкрытой вражды к социальному строю коммунистической ориентации, когда в СССР осуждалась и ликвидировалась частная собственность, в том числе на средства производства, стала именно эта антибуржуазная политика.

Мир капитализма, его руководители надеялись, что государственный социализм, утвердившийся в СССР с середины 1930-х гг., рухнет сам собой. Но этого не происходило, советский строй набирал силы. В мире возникали многочисленные коммунистические и рабочие партии, их деятельностью руководил Третий Интернационал, по существу Коммунистическая партия большевиков, руководителем которой стал профессиональный революционер Иосиф Сталин. Интернационал стал олицетворением идеологической борьбы.

В чреватой острыми противоречиями международной среде, особенно после прихода в Италии и Германии к власти фашизма и нацизма, зрела большая война. Политические элиты основных европейских стран считали, что гитлеровская Германия не рискнет развязать войну против Франции, Великобритании и их союзников, а двинется на Восток и начнёт её против СССР. Лондон и Париж пошли с Гитлером на мюнхенский сговор с целью обезопасить себя от силового удара. Они не учли, что Гитлер способен на самые авантюрные внешнеполитические акции. Полной неожиданностью для Чемберлена и Даладье стал договор о ненападении, заключённый между Москвой и Берлином в августе 1939 г. Последующий ход событий известен: Германии вторглась в Польшу, в водоворот мировой войны оказалась втянута почти вся Европа. После вероломного нападения Гитлера на СССР в результате осознанной необходимости возникла антигитлеровская коалиция.

Этот краткий экскурс в историю необходим, так как он помогает понять одну из тайн, в которой рождалась Вторая мировая война и возник союз, казалось бы, непримиримых соперников – СССР, Великобритании и США. Последние долго оставались в стороне от надвигавшейся на мир большой войны. Впрочем, международные события, особенно после нападения милитаристской Японии на американскую военную базу Пёрл Харбор, окончательно развеяли в США настроения изоляционизма, президент Франклин Рузвельт взял курс на войну не только с Токио, но и Берлином.

Выступление Рузвельта, итоги Ялты

1 марта 1945 г., после возвращения с конференции “большой тройки” в Ялте, Рузвельт выступил на совместном заседании обеих палат Конгресса США с докладом о результатах этой поездки. Он уже не мог подниматься со своего кресла. “Я надеюсь, – сказал Рузвельт, – вы извините меня за то, что во время выступления я выскажусь сидя, так как мне гораздо легче это сделать без тяжести в десять фунтов стали на моих ногах, а также учитывая то, что я только что проделал путешествие длиною в четырнадцать тысяч миль”. Эта речь Рузвельта стала последней, его смерть была близка. И, тем более, примечательны его оценки Крымской конферен-

ции – они были полны оптимизма. Он заверил сенаторов и конгрессменов, что вернулся из СССР “...с твёрдым убеждением, что мы сделали хороший старт по дороге к миру во всём мире...” и заложили “...фундамент международного согласия, которое приведёт к порядку и безопасности, после хаоса войны..., я ни на мгновение не сомневаюсь в вере, что соглашение по обеспечению мира и безопасности во всём мире может быть достигнуто” [Axelrod, 2009: 39–40]. Эти оценки, полные оптимизма, свидетельствуют, что Рузвельт верил в возможность широкого советско-американского сотрудничества. Они также говорят о том, что роль личности в истории велика, особенно в случае руководства сверхдержавой.

Какой это был контраст с циничными высказываниями в июне 1941 г. сенатора Гарри Трумэна после нападения Гитлера на СССР: “Если мы увидим, что побеждает Германия, то должны помогать России, а, если Россия, то мы должны помогать Германии. И пусть они убивают друг друга как можно больше, хотя ни при каких обстоятельствах я не хочу видеть Гитлера победителем” [Axelrod, 2009: 44]. Стоит ли поэтому удивляться, что, после ухода Рузвельта из жизни, Трумэн не только не сохранил советско-американское сотрудничество, но, напротив, многое сделал для развязывания холодной войны. Трумэн был уверен, что Сталин стремится к мировому господству и распространению коммунизма во всём мире.

На Трумэна произвела впечатление телеграмма посла США в СССР А. Гарримана, которую он направил в Вашингтон 21 марта 1945 г. : “...мы должны найти способы остановить советскую политику доминирования... Если мы сегодня не повернёмся к этим вопросам лицом, история следующего поколения утвердится, как советский век” [Axelrod, 2009: 45]. Для того чтобы придать вес таким предупреждениям, некоторые американские историки утверждают, что в последние дни своей жизни Рузвельт в отношении Сталина стал “терять терпение” и, прочтя депешу Гарримана, ударил кулаками по поручням своего кресла-каталки, сказав: “Аверелл прав. Мы не можем вести дела со Сталиным” [Axelrod, 2009: 45]. На мой взгляд, такие “факты” о последних днях Рузвельта сомнительны и не могут считаться достоверными. Они, однако, явно нашли своё место в политике Трумэна.

Встречи Молотова с Трумэном. Все могло быть иначе

Версия о жёстком отношении Трумэна к Молотову разделяется отнюдь не всеми. Первая встреча между ними состоялась 22 апреля 1945 г. и была вежливой. Молотов, который приехал в США для участия в работе по утверждению Устава ООН, спросил Трумэна, намерен ли он следовать решениям, принятым в Ялте и Думбартон-Оксе. Президент США ответил положительно. Молотов далее сказал, что Советское правительство будет радо видеть Трумэна в Москве, и чем скорее, тем лучше. Встреча маршала Сталина с президентом имела бы большое значение. Установление личных отношений между руководителями правительств всегда важно [Робертс, 2014].

Эта информация подтверждается обменом мнениями между Сталиным и Трумэном ещё на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.). Согласно записям В. Павлова, Трумэн во время первой встречи со Сталиным говорил, что “...хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина существовали с Рузвельтом. Он, Трумэн, уверен в необходимости этого, так как считает, что судьба Мира находится в руках трёх держав. Он, Трумэн, хочет быть другом генералиссимуса Сталина. Он, Трумэн, не дипломат и лю-

бит говорить прямо... Сталин отвечает, что со стороны Советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США»¹.

Одним из факторов, скреплявших взаимодействие СССР и США на международной арене, была верность Сталина данному Рузвельту в Ялте обещанию вступить в войну с Японией. Когда в ходе беседы Трумэн сказал, что «США ожидают помощи от Советского Союза», Сталин ответил, что «Советский Союз готов вступить в действие к середине августа, и что он сдержит своё слово»².

19 марта 1946 г. Трумэн в послании Сталину пишет: «Когда я расстался с Вами в Потсдаме, я выразил надежду, что Вы сочтёте возможным посетить Соединённые Штаты и быть моим гостем. Вы ответили, что хотели бы это сделать. Почему бы Вам и не предпринять эту поездку сейчас. Я, конечно, был бы рад, если бы Вы это сделали». 6 апреля 1946 г. Сталин направляет ответ: «Благодарю Вас за переданное мне Ваше приглашение посетить Соединённые Штаты. К сожалению, врачи возражают против моих больших переездов, и я вынужден считаться с этим». 12 апреля Трумэн вновь обращается к Сталину: «Разрешите мне выразить Вам моё личное сожаление по поводу того, что состояние Вашего здоровья не позволяет Вам в настоящее время предпринимать длительные поездки».

7 ноября 1946 г. в Вашингтоне Молотов посетил Трумэна с визитом вежливости и последний вновь просит передать в Москву, что хотел бы видеть Сталина гостем в США. Молотов ответил, что это «наше общее желание»³.

На этом история попыток организовать встречу Трумэна со Сталиным не окончилась. В январе 1949 г. на вопрос Кингсбэри Смита, директора Американского агентства «Интернэшнл Ньюс Сервис», Сталин дал ответ. «Будете ли Вы, Ваше Превосходительство, готовы, – спросил Смит, – встретиться с президентом Трумэном в каком-либо обоюдно приемлемом месте для обсуждения возможностей заключения такого Пакта мира?». Сталин ответил: «Я и раньше заявлял, что против встречи нет возражений» [Правда, 1949].

1 февраля 1949 г. Смит сообщил Сталину: «Официальный представитель Белого дома Чарльз Росс сегодня заявил, что президент Трумэн был бы рад иметь возможность совещаться с Вами в Вашингтоне. Будете ли Вы, Ваше Превосходительство, готовы поехать в Вашингтон для этой цели. Если нет, то где бы Вы были готовы встретиться с президентом?». 2 февраля 1949 г. Сталин дал ответ, который на следующий день публикуется в печати: «Я благодарен президенту Трумэну за приглашение в Вашингтон. Приезд в Вашингтон является давнишним моим желанием, о чём я в своё время говорил президенту Рузвельту в Ялте и президенту Трумэну в Потсдаме. К сожалению, в настоящее время я лишён возможности осуществить это своё желание, так как врачи решительно возражают против моей сколько-нибудь длительной поездки, особенно по морю или по воздуху.

Правительство Советского Союза приветствовало бы приезд президента в СССР. Можно было бы организовать совещание в Москве или в Ленинграде, в Одессе или в Ялте, – по выбору президента, если, конечно, это не противоречит соображениям удобства президента.

¹ Запись беседы И.В. Сталина с президентом Г. Трумэном в резиденции Трумэна 17 июля 1945 г. в 12 час. (записал В. Павлов). Архив РГАСПИ, Ф. 558 (И.В. Сталин), Оп. 11.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 236. Л. 1–3.

³ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 256. Д. 18. Л. 11–13.

Если, однако, это предложение встретит возражение, можно было бы устроить встречу в Польше или Чехословакии, – по усмотрению президента”¹.

Вышеприведённая информация говорит о том, что Сталин и Трумэн не горели желанием встретиться там, где предлагал другой. На это было много причин. Основной, на мой взгляд, было нежелание Сталина проводить встречу в верхах в условиях монополии США на ядерное оружие. Трумэн же не хотел ехать в Советский Союз или на территорию, подконтрольную Москве. Оба лидера опасались, что на встрече между ними встанут неудобные вопросы, возникнет желание добиться неприемлемых преимуществ. Холодная война уже шла полным ходом. В Потсдаме, например, В.М. Молотов не без оснований сказал, когда речь зашла об американской атомной бомбе: “Трудно за него (Трумэна – Ан.А.) сказать, что он думал, но мне казалось, он хотел нас ошарашить... Не было сказано “атомная бомба”, но мы сразу догадались, о чём идёт речь” [Сто сорок бесед с Молотовым, 1991: 81].

С сюрпризами подобного рода Сталину сталкиваться не хотелось. И, всё-таки, стоило Трумэну согласиться на встречу в верхах в Восточной Европе, она, скорее всего, состоялась бы. Так оба лидера упустили возможность попытаться остановить холодную войну.

Уже было сказано о встрече Молотова и Трумэна 22 апреля 1945 г. На следующий день они снова увиделись, т.е. через 11 дней после кончины Рузвельта и за 16 дней до 9 мая. Утром, перед встречей с Молотовым, Трумэн вызвал в Белый дом для консультаций ведущих членов правительства и экспертов по Советскому Союзу. Секретарь по военным делам Генри Стимсон дал совет провести встречу с советским министром иностранных дел “в мягкой манере”, так как США заинтересованы, чтобы Москва вступила в войну с Японией. С ним согласился генерал Джордж Маршалл; он считал, что до победы над Японией оказывать на Советы давление нецелесообразно. С этим мнением не согласился Секретарь по военным делам Джеймс Форрестол, который заявил, что Москва нарушает договоренности о Польше, нацелилась на захват Болгарии и Румынии. Наиболее жёстким было мнение Аверелла Гарримана – он посоветовал Трумэну занять твёрдую позицию, ясно обозначить, что США осуждают действия Сталина в Восточной Европе, даже если это помешает вовлечению СССР в войну против Японии. Реакция Трумэна на эти советы была однозначной – он займёт жёсткую линию.

Встреча Молотова с Трумэном (на ней присутствовал посол СССР в США А.А. Громыко) прошла в конфронтационной манере. Трумэн, по существу, демонстрировал безразличие к предложениям советского министра, несколько раз его прерывал и заявил, что если Сталин не будет уважать ялтинские договорённости, то это “сильно подорвёт уверенность в единстве трёх правительств” [Axelrod, 2009: 46–47].

Молотов воспринял позицию Трумэна с неприязнью. “В такой манере, – сказал он, – за всю мою жизнь никто со мной не разговаривал”. Трумэн резко встал из-за стола, и на этом беседа закончилась [Axelrod, 2009: 47].

Заслуживает внимания следующая оценка этой встречи. “Жёсткие слова и нетерпеливое поведение (Трумэна – Ан.А.) означало гораздо больше, чем просто конец встречи. Это был сигнал, что во взаимоотношениях между Соединёнными Штатами и их западными союзниками с Советским Союзом начиналась новая эра”. “Русские, – признаёт историк А. Аксельрод, – эти “вежливые товарищи” по Второй мировой войне, изображались кучкой лжецов, и добрые чувства, порождённые

¹ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 256. Д. 18. Л. 11–13. Эта информация длительное время хранилась в личном архиве А.Н. Яковлева.

борьбой против общей угрозы, растворились во взаимных подозрениях, перерасставших в явную вражду” [Axelrod, 2009: 47].

Такой отрицательный результат встречи в Белом доме стал сюрпризом даже для Гарримана, сторонника жёсткой линии в отношении Москвы. Явное беспокойство испытывал и Стимсон, призывавший Трумэна к сдержанности. Он тут же пишет записку президенту следующего содержания: “Считаю необходимым как можно скорее встретиться с вами по в высшей мере секретному вопросу”. Трумэн принимает Стимсона через два дня в сопровождении руководителя глубоко засекреченного “Манхэттенского проекта”. Стимсон вручает Трумэну письмо, в котором сообщает, что “через четыре месяца мы, возможно, закончим работу по созданию самого ужасного в истории человечества оружия, бомбы, которая может уничтожить целый город” [Axelrod, 2009: 47]. Аксельрод считает, что бывший вице-президент “впервые узнал об атомной бомбе”. Можно представить, как эта информация повлияла на Трумэна, укрепив в нём желание вести переговоры с Советским Союзом с позиции силы.

В недрах Вашингтонской администрации, после успешного испытания оружия нового поколения, началась работа по разрушению, как считали многие, “неестественного союза” западных демократий с тоталитарным Советским Союзом. После применения атомных бомб против японских городов Хиросимы и Нагасаки политика с позиции силы получила в политических кругах США ещё большую поддержку. Уже в апреле 1945 г. Трумэн, воодушевившись “новым соотношением” сил, требуя от Москвы соблюдать ранее достигнутые договоренности, сам задумал отойти от ряда из них и дал указание госсекретарю США Стеттиниусу попробовать отказаться в Совете Безопасности от принципа единогласия великих держав. Над планами создания ООН нависла угроза провала.

Молотов в Сан-Франциско и Черчилль в Фултоне. Доктрина Трумэна

По-другому было настроено Советское руководство. В своей речи 26 апреля 1945 г. на открытии Конференции ООН в Сан-Франциско Молотов сказал: “Если ведущие демократические страны покажут свою способность согласованно действовать и в послевоенное время, это будет значить, что интересы мира и безопасности народов нашли, наконец, свою лучшую опору и защиту. Но этого ещё недостаточно. Готовы ли другие миролюбивые страны объединиться вокруг этих ведущих держав, чтобы создать дееспособную международную организацию безопасности – вот тот вопрос, который должен быть разрешён на настоящей конференции” [Советский Союз на международных конференциях..., 1980: 124]. Эти слова означали, что СССР был готов к широкому международному сотрудничеству, в том числе с США и Великобританией, а не к конфронтации в духе холодной войны.

Главным пропагандистским шоу, рекламировавшим борьбу с СССР, была, конечно, речь Черчилля в Фултоне. И хотя потомственный английский тори уже не был премьер-министром, после проигрыша лейбористам на всеобщих выборах в Англии, тёплые слова в свой адрес и дружеский лик сидевшего рядом с ним Трумэна компенсировали недееспособность отвергнутого англичанами политика. Воодушевившись тем, что атомные бомбы находятся в американских руках, Черчилль возложил на США “ответственность перед будущим”. Он призвал защитить Европу и христианскую цивилизацию от распространения советского влияния. ООН, утверждал Черчилль, обретёт “статус и силу” только при поддержке США и Британского содружества [Britania Historical Documents Churchills, 1946: 1–5]. Это было объявлением Советскому Союзу “крестового похода”.

Находясь в США, я стал свидетелем, как с 1946 г. в американских средствах массовой информации менялся образ СССР как страны-союзника – на врага. Особенно заметно это проявлялось в отношении Сталина.

“Дядюшка Джо” (прозвище от имени Иосиф) стал преподноситься публике как “мастер обмана”, он, оказывается, обещает “много хорошего”, но на деле нёс американцам “смерть”. Появилось много реклам, объявлений и фотоматериалов, в которых изображения Сталина соседствовали с черепом и соответствующими подписями. Вот лишь один пример: “Смотрите, что за маской! Коммунизм это смерть”¹. Такие враждебные выпады в адрес СССР приобрели массовый характер. На Америку накатывалось мракобесие маккартизма.

Что касается термина “холодная война”, то в США считают, что его автором был Бернард Барух, известный финансист и влиятельный советник Трумэна. Выступая 16 апреля 1947 г. в штате Южная Каролина, он призывал не дать себя обмануть, так как “...сегодня мы находимся в состоянии холодной войны. Эта фраза Баруха укрепилась в американском политическом лексиконе, особенно после того, как новоиспечённый термин использовал известный американский журналист Уолтер Липпман для заголовка своей статьи “Холодная война” [Axelrod, 2009: 89].

Заметным шагом в распространении холодной войны стала доктрина Трумэна, провозглашенная 12 марта 1947 г. Она стала, как и речь Черчилля, средством борьбы с национально-освободительными силами в Греции и на Ближнем Востоке. Снимки отсечённых голов греческих партизан появились в американских журналах (я их видел собственными глазами и был поражён жестокостью монархистов и нацистов, которые тогда действовали при поддержке английских военных). Сталин не принял этот вызов, он всё ещё помнил о своего рода взаимопонимании, достигнутом с Черчиллем при обсуждении послевоенного будущего отдельных европейских стран. О нём, однако, англичанин уже позабыл. Вместо этого он уже был весь объят желанием осадить Москву в её политике утвердить своё влияние в Восточной Европе и Средиземноморском регионе.

На политическом горизонте возникла и угроза развала Британской колониальной империи. Мысли высокопоставленных авторов холодной войны невольно обращались к испытанному методу утверждения своего влияния в мире – политике с позиции силы. Это надо было показать всем, даже лейбористскому министру иностранных дел Э. Бивену, который после подписания мирных договоров с бывшими союзниками Германии заметил: “Солнце мира наконец-то восходит” [Урнов, 2014: 36]. И действительно, окутанный тучами холодной войны пейзаж международных отношений становился всё более мрачным.

Победа союзников во Второй мировой войне привела к установлению нового мирового порядка и появлению в 1945 г. Организации Объединённых Наций, Устав которой был выработан советской, американской и английской дипломатиями. Ни о какой холодной войне сразу после окончания войны открыто не говорил никто, но тайком к ней в Лондоне, да и Вашингтоне, готовились.

Когда исчезла военная угроза, особенно в результате сокрушительных побед Советской армии, идеологический фактор неприятия социального строя, отрицавшего частную собственность, стал вновь проявляться в полную силу. Международная обстановка, особенно после смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г., стала меняться

¹ Такого рода “реклама” приведена в цитируемой мною работе Алана Аксельрода о холодной войне, с. 88.

к худшему. Американский посол в Москве Аверелл Гарриман одну за другой послал в Вашингтон телеграммы об опасности для США “коммунистической России”.

Не отставали от таких настроений многие другие политики и дипломаты, например, Джордж Кеннан.

Роль личности в истории бывает достаточно велика, даже если человек занимает не самый высокий государственный пост. Именно таким персонажем, принявшим активное участие в становлении холодной войны, стал этот американский дипломат. До своего назначения в июле 1944 г. дипломатом в СССР Кеннан поработал в 1930-х гг. в Швейцарии, Германии, Эстонии, Латвии и Литве. Он был известен как специалист по истории России, знавший русский язык и читавший в подлиннике Ленина и Сталина. Придавало Кеннану вес и то, что он успел поработать в Москве под началом американского посла Уильяма Буллита, сторонника развития советско-американских отношений.

У Кеннана, однако, была другая точка зрения. Он оказался во власти “груза знаний”, почерпнутых из работ классиков марксизма-ленинизма. Они убедили его в том, что коммунистическая революция будет продолжаться до тех пор, пока она не победит во всем мире, и это будет конец капитализма. 22 февраля 1946 г. Кеннан из Москвы направил госсекретарю США Джеймсу Бернсу “длинную телеграмму”. Она сделала его знаменитым, так как помогла Трумэну обрести “теоретическую базу” для усилий по эскалации напряжённости в отношениях с Кремлём. Выводы Кеннана о “советском коммунизме” испугали американскую политическую элиту.

Призыв преамбулы Устава ООН “избавить грядущие поколения от бедствий войны” стал для таких дипломатов и учёных малозначимым, тем более что США уже имели в своём арсенале атомные бомбы. Это породило у политической элиты в Вашингтоне чувство неуязвимости и даже безнаказанности.

У Трумэна и Черчилля окрепла уверенность в необходимости “поставить на место” Сталина. Черчилль, к тому же, был сильно раздосадован поражением в 1945 г. Консервативной партии. Он на какое-то время стал главным идеологом англо-американского военно-политического союза для “борьбы с коммунизмом”.

Холодная война. Основные уроки

Холодная война в международных отношениях была не просто периодом напряжённости. Она несла угрозу войны горячей между СССР и США, а значит и угрозу всему человечеству. Советский Союз в эту ситуацию был буквально втянут. Отрезвляющий эффект на американское общество и его элиту произвело испытание 30 октября 1961 г. на Новой Земле самой мощной на то время 50-мегатонной водородной бомбы (американцы называли ее “Царь Бомбой”).

В условиях ядерного века, когда атомным оружием, кроме США и СССР, обладали в октябре 1952 г. Великобритания, в феврале 1960 г. – Франция и в октябре 1964 г. – Китай, возникла ситуация, когда “мысли о немыслимом” – ядерной войне – стали расценивать как безумие. Опасность ядерной войны, конечно, оставалась, но она была всё же взята под более или менее надёжный контроль. Ведущую роль при этом сыграло советское и американское политическое руководство. Постепенно в головах государственных деятелей, ещё помнивших ужасы Второй мировой войны, утвердился тезис о “взаимном гарантированном уничтожении”. Но для этого должен был случиться самый опасный со времён Второй мировой войны кризис. Он стал рубежом, когда пришло осознание – напряжённость в советско-американских отношениях может сделать холодную войну горячей, к тому же ещё и ядерной.

С 1945 по 1964 год, когда холодная война при Трумэне и Сталине, Хрущёве и Эйзенхауэре, а затем Брежнев, Кеннеди и Никсоне набирала обороты, в мировой политике возникали многочисленные региональные войны. Международное сообщество эти опасности видело, появились движения в защиту мира и обуздания гонки вооружений, например, Пагуошское движение и Дартмутские встречи. Благодаря усилиям, в том числе и учёных (особенно лорда Бертрона Рассела и Альберта Эйнштейна), политические элиты ведущих стран мира осознали, что ядерная война представляет для человечества смертельную опасность, что альтернативы мирному сосуществованию государств с разными цивилизациями и общественными системами нет. Манифест Рассела-Эйнштейна был опубликован в Англии в 1955 г. и с тех пор неоднократно переиздавался¹.

Международные отношения в первые 25 лет после окончания Второй мировой войны постоянно лихорадило. Мир во времена президентства Трумэна погрузился в состояние, когда попытки установления сотрудничества подрывали как Запад, так и в качестве ответной реакции Восток с помощью как “жесткой”, так и “мягкой силы”, в том числе идеологической. Идеологии индивидуализма и коллективизма, доведённые до абсолюта, долгое время мешали использовать обширные возможности позитивной дипломатии по созданию в международных отношениях стабильного мира.

В условиях, когда наступил ядерный век, а баланс сил в мире был шатким, само существование человечества оказалось под угрозой. Реалистично настроенная часть мировых политических элит осознала пагубность курса на глобальное ядерное столкновение. Даже чрезвычайно идеологизированный период президентства Р. Рейгана, когда СССР был объявлен “империей зла”, остановил этот позитивный процесс лишь на время. К середине 1980-х гг. Вашингтон вернулся к поиску модели взаимовыгодного советско-американского сотрудничества [Громыко А.А. – дипломат, политик, учёный, 2000: 51–52].

Обращаясь к нашему времени, необходимо сказать, что мировая политика снова очутилась в состоянии опасной разбалансировки, в том числе в Европе, необходимо с помощью политических и дипломатических средств искать прочный фундамент общеевропейской безопасности. Академик Н.П. Шмелёв не случайно предупредил: “...если быть объективным и если мерить жизнь не днями, не годами и даже не десятилетиями, а чередой поколений, нельзя будет не признать, что она, история, всё же учит, и многому учит (подчёркнуто мною – Авт.), иначе мир давно бы уж провалился в тартарары” [Шмелёв, 2006: 468]. Он напоминал, что внешняя политика, направленная на поощрение в мировых делах конфликтности и хаоса, приводит к обострению проблем глобализации, делает её безжалостной для большинства населения планеты. Набирают силу многомиллионные потоки стихийной миграции, они изменяют этническое и цивилизационное лицо человечества, в том числе мира евроатлантического. Большинство земель остаются в стороне от благ глобализации, обостряются региональные и межэтнические конфликты, усиливаются наркотрафик и трансграничная преступность, увеличивается экологическая опасность, проявляются природные и техногенные катастрофы, эпидемии, болезни, голод [Шмелёв, 2006: 484–485].

Что касается атмосферы начала 1960-х гг., то она была пронизана духом холодной войны. Баланс военных сил в области ядерных стратегических вооружений был ощутимо в пользу США. В СССР память о больших потерях в Великой отечественной войне не давала покоя, особенно когда оценивалась безопасность страны. Интересы национальной безопасности Советского Союза подтолкнули Н. Хрущёва и

¹ The Russel-Einstein Manifesto, issued in London by the Pugwash Council, 1990.

министра обороны Р. Малиновского к рискованному решению, которое выглядело в отношении США весьма заносчиво. Это произошло вовсе не потому, что СССР посягнул на национальные интересы США, их безопасность. В Москве исходили прежде всего из интересов собственной безопасности, невыгодного для СССР военно-стратегического баланса сил между двумя сверхдержавами. Как отмечал академик А.А. Кокошин, бывший министр обороны США Р. Макнамара говорил ему, что, по американским данным, преимущество США по количеству ядерных боезарядов, которые можно было доставить на территорию СССР при одном пуске, составляло 17:1 [Кокошин, 2012: 10].

Действия США в 1962 г. в отношении СССР и Кубы на Западе часто объясняют исключительно американской национальной безопасностью. При этом закрывают глаза на причины, заставившие Москву озаботиться защитой своих интересов. В мировую политику настойчиво закладывались двойные стандарты: что можно в интересах США – другим нельзя. Американские специалисты оценивали людские потери США в случае ядерной войны с СССР как минимум в 100 млн жизней. Эти “мысли о немыслимом” были столь страшными, что многие представители политической элиты времён президентства Кеннеди в душе были настроены против военной конфронтации с Кремлем. В сознании людей из окружения Кеннеди, хотя они предпочитали об этом не говорить, укреплялось мнение, что советское руководство, так же, как и они сами, считает свои стратегические ядерные силы средством сдерживания, а не нападения.

Советская сторона во время встречи 18 октября 1962 г. министра иностранных дел А.А. Громыко с президентом Кеннеди разъясняла, что на Кубе размещено “оборонительное оружие”. Это по существу было правдой, так как СССР не планировал применить эти ядерные силы как средство первого удара. В тех условиях использовать ядерное оружие с территории Кубы против США для СССР было равносильно самоубийству. Ни одна страна, даже с очень большой территорией, не могла бы выжить после масштабного ядерного ответного удара. Характерно, что Кеннеди не спросил Громыко о размещении советских ракет на Кубе, он не видел в этом необходимости.

В своей речи 10 июня 1963 г. в Американском университете Кеннеди сказал: “Тотальная война не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут держать большие и сравнительно неуязвимые ядерные силы... Она не имеет никакого смысла в век, когда одна ядерная бомба имеет взрывную силу почти в 10 раз больше той, которая была использована всеми союзническими военно-воздушными силами во Второй мировой войне. Она не имеет смысла в век, когда смертельные яды, выделенные в результате взаимного применения ядерного оружия, с помощью ветра, воды, почвы и семян будут переноситься в самые отдалённые уголки земного шара...”¹. В этом высказывании Кеннеди налицо сплав политической зрелости и научных знаний, а также обыкновенного здравого смысла.

О роли личности в истории

Андрей Громыко был убеждён в том, что не может быть эффективной внешняя политика и дипломатия без оценки роли личности в истории. Его мемуары “Памятное” – это, в первую очередь, воспоминания о политиках и дипломатах, с которыми ему пришлось встречаться для решения сложных международных проблем. Он подчёркивал, что дипломаты бывают разные: плохие, средние, хорошие. Громыко

¹ Цит. по книге: Анатолий Громыко. 1036 дней президента Кеннеди. Москва, 1968, Издательство политической литературы, с. 266.

призывал не оценивать дипломатию с помощью умпостроений, похожих на “формулы из учебника математики”. На этот счёт он высказался определённо: “Стремление втиснуть сложную, разностороннюю деятельность дипломатов в формулы наподобие математических, даже если это продиктовано добрыми намерениями, можно объяснить лишь гипертрофированной любовью к дефинициям. Занятие подобного рода часто бывает малопродуктивным” [Громыко Андрей Андреевич. Памятное. Испытание временем, 2015: 415]. “Памятное” – это сплав воспоминаний и научно-политического анализа. Отец считал, что сфера дипломатической деятельности, как всё в природе и обществе, поддаётся научному осмыслению. Надо лишь поставить на своё место причины и следствия явлений, части и целое, а в данном случае – рассматривать в диалектической связи дипломатию и внешнюю политику [Громыко Андрей Андреевич. Памятное. Испытание временем, 2015: 416]. Такие соображения дают учёным-международникам широкие возможности для работы.

Современная международная политическая среда несёт в себе больше угроз, чем надежд. Её знаком стали напряжённость и неопределённость, ощущение, что от учёных и дипломатов в мировой политике мало что зависит. Ведь в мировой политике они никак не нащупают “точки опоры”, соскальзывают в рассуждения о возможности новой мировой войны. Но опоры, конечно, есть – это выработанные веками правила глобального общежития, принципы и нормы международного права и Устава ООН. Это здравый смысл, выраженный в разумном консерватизме и конструктивизме в подходе к проблемам мировой политики.

На роль личностного фактора в мировой политике в период холодной войны, в том числе, когда в 1962 г. разыгралась лихорадка октябрьского кризиса и всеобщий мир буквально “висел на волоске”, обратил внимание в своих мемуарах видный советский дипломат, посол СССР в США А.Ф. Добрынин. В своих мемуарах он пишет: “В решающий момент кризиса Кеннеди и Хрущёв оказались на высоте, проявив политическое мужество и выдержку. Что, если бы на месте Кеннеди оказался Рейган, вместо Макнамары – Уайнбергер, а госсекретарем был бы не Раск, а генерал Хейг?” [Добрынин, 2008: 84].

Уравновешенным политиком во время Карибского кризиса, по моим наблюдениям, оставался отец. Его уверенность, что “войны не будет”, казалась неоправданной, многим казалось неизбежным силовое столкновение СССР и США. Спокойствие отца было малопонятным. Однажды я его об этом спросил, и вот что он мне ответил: “Я считал, что ядерной войны не будет, так как ни Кеннеди, ни, разумеется, Хрущёв её не хотели”. Отец верил, что их действия помогут человечеству избежать военной катастрофы. Так оно и случилось, Армагеддона не произошло, холодная война в горячую не переросла. Это вселяет надежду, что в вопросах сохранения мира на Земле современные политики и дипломаты окажутся на высоте и найдут для этого необходимые “точки опоры”.

Возможна ли новая мировая война?

Всё большую тревогу вызывает истерическая атмосфера, которую создают многие мировые СМИ. Наметилась тенденция убедить общественное мнение в возможности новой войны с Россией. И всё же, вряд ли сегодня возможно заручиться поддержкой большинства жителей той или иной западной страны относительно военной акции против России. Об этом свидетельствует и сдержанная (а неофициально – изумлённая) реакция подавляющего большинства западных политиков и военных на враждебные действия Турции, сбившей в ноябре 2015 г. российский военный самолёт над территорией Сирии. Напротив, с сентября, после начала во-

енной операции России в этой стране по борьбе с так называемым “Исламским государством”, в мире отчётливо нарастает понимание того, что с глобальными угрозами, как это было во время Второй мировой войны, надо бороться сообща.

Проблема состоит в том, что многие западные политики до сих пор считают исчезновение с политической карты мира Советского Союза “...полным триумфом Запада. Основная альтернатива западному образу жизни потерпела поражение. Соединённые Штаты и Европа быстро объединили свои усилия, чтобы интегрировать бывших противников в мировой порядок Запада” [Kupchan, 2012: 72].

В действительности, общий итог периода, прошедшего после окончания холодной войны, для Вашингтона отрицательный. “Американский век закончился” – этот вывод все чаще звучит в самих США. На фоне неустойчивой мировой политики, растущей неопределённости в процессах глобализации, и, несмотря на проблемы в российской экономике “Кремль, тем не менее, – признаёт Ч. Купчан, – сохранил прочный контроль над государством и проводит наступательную внешнюю политику” [Kupchan, 2012: 2]. Стоит добавить, что такая политика может быть только у самостоятельных государств. По мнению Купчана, XXI век Америке, так же как и другим центрам силы, не принадлежит. Это по существу “век ничейный”. В мировых делах усиливается роль разных регионов, у них свой путь развития и модернизации, свои концепции мирового порядка.

В этих условиях, хочется надеяться, все рассуждения о “новой холодной войне” не имеют будущего, попытки её возродить малоперспективны. Демократический мировой порядок, заложенный в Уставе ООН, должен сохраниться на основе силы права. Чтобы добиться этого, потенциал “жёсткой силы” пока также должен оставаться на высоте. Разоружаться и отказаться от войн и уничтожения себе подобных можно только вместе, без права на “исключительность” какой-либо части человечества. Эта истина очевидна и в доказательстве не нуждается.

Список литературы

Громыко А.А. – дипломат, политик, ученый (2000) (материалы Научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Громыко, 29 июня 1999 года), МГИМО, Москва, РОССПЭН, 2000, с. 51–52.

Громыко Анатолий. 1036 дней президента Кеннеди. (1968) Москва, Издательство политической литературы, с. 266.

Громыко Андрей Андреевич. Памятное. Испытание временем. (2015) Москва. Центрполиграф, 2015, с. 415.

Добрынин А. (2008) Сугубо Доверительно. Москва, “Международные отношения”, с. 84.

Кокошин А.А. (2012) Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности. Москва, ЛЕНАНД, с. 10.

Правда, 31 января 1949 г.

Робертс Д. (2014) Вячеслав Молотов. Сталинский рыцарь “холодной войны”, Издательство Аст, Москва.

Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 81.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (1980) (Сборник документов). М.: Издательство политической литературы, 1980, том 5 “Конференция Объединённых Наций в Сан-Франциско”, стр.124.

Урнов А.Ю. (2014) Внешняя политика СССР в годы “холодной войны” и “нового мышления”. Москва, РФК-Имидж Лаб., с. 36.

Шмелёв Н.П. (2006) В поисках здравого смысла. Двадцать лет российских экономических реформ. Весь мир. Москва, с. 468.

Axelrod A. (2009) The Real History of the Cold War. A New Look at the Past. Sterling New York London 2009.

Britania Historical Documents Churchills "SiNews of Peace". (1946) A Speech by Winston Churchill at Westminster College March 5, 1946, p. 1–5.

Kupchan Charles A. (2012) *No Qne's World. The West, The Rising Rest, and The Coming Global Turn*, Oxford University Press.

References

Gromyko A.A.– diplomat, politik, uchenyi (2000) (materialy nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyashennoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Gromyko, 29 iyunya 1999 goda), MGIMO, Moskva, ROSSPJeN, 2000, s. 51–52.

Gromyko Anatolij. 1036 dnei prezidenta Kennedi. (1968) Moskva, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, s. 266.

Gromyko Andrej Andreevich. Pamjatnoe. Ispytanie vremenem. (2015) Moskva. Centrpoligraf, 2015, s. 415.

Dobrynin A. (2008) Sugubo Doveritel'no. Moskva, "Mezhdunarodnye otnoshenija", s. 84.

Kokoshin A.A. (2012) Razmyshlenija o Karibskom krizise v kontekste problemy strategicheskoi stabil'nosti. Moskva, LENAND, s. 10.

Pravda, 31 janvarja 1949 g.

Roberts D. (2014) Vjacheslav Molotov. Stalinskii rytsar' "holodnoi voiny", Izdatel'stvo Ast, Moskva.

Sto sorok besed s Molotovym: Iz dnevnika F. Chueva. M.: Terra, 1991. S. 81.

Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyh konferenciyah perioda Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (1980) (Sbornik dokumentov). M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1980, tom 5 "Konferentsiya Ob'edinennyh Natsii v San-Frantsisko", s. 124.

Urnov A.Ju. (2014) Vneshnyaya politika SSSR v gody "holodnoi voiny" i "novogo myshleniya". Moskva, RFK-Imidzh Lab., s. 36.

Shmeljov N.P. (2006) V poiskah zdravogo smysla. Dvadsat' let rossijskih ekonomicheskikh reform. Ves' mir. Moskva, s.468.

Axelrod A. (2009) *The Real History of the Cold War. A New Look at the Past*. Sterling, New York, London, 2009.

Britania Historical Documents Churchills "SiNews of Peace". (1946) A Speech by Winston Churchill at Westminster College March 5, 1946, p. 1–5.

Kupchan Charles A. (2012) *No Qne's World. The West, The Rising Rest, and The Coming Global Turn*, Oxford University Press.

Emergence and influence of "cold war" over world politics

Author. Gromyko A.A. Corresponding Member of RAS, Doctor of History, Professor at the Faculty of World Policy in Moscow State University. **Address:** d. 1., Lenin Hills, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: alexey@gromyko.ru

Abstract. The author analyses the period of world history known as the Cold War. He puts a question whether this war is over. According to his view, this has not occurred. Moreover, in the world, including Europe, international tensions have intensified, a number of new conflicts have erupted. It appears that a new kind of a Cold War is again acquiring real features. This may find confirmation in the re-emergence of right extremism, growth of terrorism, civil wars and ethnic conflicts. The author has undertaken to evaluate consequences of the Cold War in the XX century, to look into its origins and to define reasons that gave birth to it, to assess the role of the political leaders who contributed to the emergence and growth of this phenomenon. This research is driven by the principle that history cannot be re-written. However, history should be thoroughly studied in order to draw useful lessons, which may help contemporaries to evade repeating mistakes of the past.

Key words: Cold War, diplomacy, international relations, world politics, political leaders, terrorism, ethnic conflicts, lessons of history.